

ПРИКЛАДНОЙ ПСИХОАНАЛИЗ

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЙ КОУЧИНГ

Фигура отсутствующего отца в психоаналитически ориентированном консультировании

*А. В. Додонова, М. Э. Островская, А. В. Плескевич,
Е. А. Прядкина, С. М. Федорова*

Додонова Алина Викторовна – клинический психолог, психоаналитически ориентированный консультант, магистр психологии, экономист. Более 12 лет управленческого опыта в финансовой сфере в крупных международных корпорациях различных индустрий: Telecom, Development, FMCG, Oil & Gas.

Островская Мария Эдуардовна – психоаналитический коуч, организационный консультант, магистр психологии, менеджер-технолог. Более шести лет управленческого опыта в FMCG-компаниях.

Плескевич Анна Владимировна – психоаналитически ориентированный психолог, коуч ACC ICF, магистр психологии. Более 20 лет управленческого опыта в ведущих международных компаниях в сфере развития бизнеса.

Прядкина Елена Александровна – психоаналитический коуч, организационный консультант, магистр психологии и журналистики, экономист. Более 15 лет управленческого опыта в банковской сфере и ИТ.

Федорова Светлана Михайловна – психоаналитический психотерапевт, executive-коуч, старший преподаватель кафедры психоанализа и бизнес-консультирования ВШЭ, кандидат SPP, кандидат IPA.

В статье рассматривается феномен отсутствующего отца в контексте представлений различных психоаналитических школ и приводятся результаты исследования влияния фигуры отсутствующего отца на личность индивида в профессиональной и социальной областях. Выводы сделаны на основании анализа случаев из коучинговой практики авторов. Фигура отсутствующего отца оказывает существенное влияние на формирование и развитие личности индивида; мать занимает особое место в формировании образа отца, являясь «архитектором» этого образа. Образ отца имеет значительное влияние на выстраивание личных границ и способность субъекта встраиваться в социум и занимать в нем свое прочное место.

Ключевые слова: диада «мать – ребенок», депривация, идентификация, инцестуозность, образ отца, отсутствующий отец, психоанализ, психоаналитический коучинг, репрезентация, трансгенерационная травма, триангуляция, феномен «матрешки», эдипов комплекс.

Современное общество развивается высокими темпами; для него характерны высокий уровень конкуренции и постоянные изменения. Меняются социальные нормы, привычные жизненные ориентиры утрачивают прежнюю устойчивость, а на первый план выходит способность человека адаптироваться к серьезным переменам, сохранять внутреннюю устойчивость и продолжать развитие в условиях неопределенности. С одной стороны, это расширяет возможности в сфере образования, профессиональной деятельности и досуга. С другой, подобная динамика способна усиливать стресс и психологическое напряжение, оказывая неблагоприятное влияние на психическое благополучие человека. В частности, постоянные изменения требований на рынке труда и активное развитие искусственного интеллекта могут способствовать возникновению неуверенности в собственных профессиональных компетенциях, а также усиливать потребность в непрерывном обучении и регулярном подтверждении квалификации. Подобное давление затрагивает не только профессиональную сферу, но и другие стороны социальной жизни индивида, включая сложности с коммуникацией, трудности самоидентификации и эмоциональную нестабильность.

Одним из ключевых факторов, влияющих на жизнь человека, остается семья, в которой он вырос. Именно в семье формируются базовые представления о близости, поддержке, способах преодоления трудностей и построении отношений во взрослой жизни. В эпоху Новейшего времени неполные семьи становятся заметным социально-демографическим явлением. Это делает особенно актуальным сегодня изучение уникального вклада отца в развитие ребенка. По оперативным данным Росстата, в 2024 году в России было зарегистрировано **0,9** и **0,6** млн браков и разводов соответственно¹; таким образом, число разводов к числу заключенных браков

¹ <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/255130>

составило около **73%**. При этом речь идет именно о соотношении регистраций за календарный год, а не о доле браков, заключенных в 2024 году и распавшихся в том же году. В публичных комментариях представители ВЦИОМ интерпретируют эту динамику как свидетельство снижения устойчивости института официального брака; восемь из десяти браков в 2024 году распались, Россия вышла на третье место в мире по числу разводов². По итогам Всероссийской переписи населения 2020 года, 42% детей младше 18 лет (27,7 млн) в России растут в неполных семейных ячейках; в пересчете на общую численность детей до 18 лет это составляет примерно 11,6 млн детей. Из них около 34% всех детей младше 18 лет, или примерно 9,4 млн, проживают с матерью-одиночкой, а 8%, или около 2,2 млн, – с отцом-одиночкой³. Эти показатели подтверждают высокую распространенность семейных конфигураций, в которых ребенок воспитывается без постоянного участия одного из родителей, что делает исследование отцовской роли особенно значимым.

В рамках психоаналитической традиции исследования роли отца в психическом развитии ребенка берут свое начало в XX веке. В модели Фрейда отец является ключевым объектом, а эдипов комплекс – главным элементом классического психоанализа. В его концепции отцовские принципы и идеалы составляют основу для Суперэго ребенка. Сразу после Второй мировой войны значительно возрос интерес среди аналитиков к диаде «мать – ребенок». Малер, Кляйн и др. писали о ранней зависимости младенца от матери и конфликтах, возникающих в процессе сепарации и индивидуации. А в своем структурном психоанализе Лакан утверждал, что именно отец вводит символический закон, который ломает иллюзорную связь между матерью и ребенком и выступает в качестве «разделяющего третьего». Различные современные психоаналитики также признают и подчеркивают существенную роль отца для психического становления индивида.

В своих работах Фрейд рассматривает следующие репрезентации отца: как объект любви и восхищения, с которым происходит идентификация; как реальный физический отец, который утешает и дает поддержку; как богоподобный, карающий объект, наделенный влиянием и властью; как авторитетная фигура, устанавливающая ограничения и запреты для ребенка как соперника, которого необходимо победить в схватке за любовь матери (*Fonagy et al.*, 2002). Все эти репрезентации складываются в единый образ, чувства к которому амбивалентны, то есть совмещают в себе любовь и ненависть (Фрейд, 2017).

Филлис Гринакр отмечала, что фигура отца присутствует в восприятии ребенка уже на ранних этапах жизни, однако в отличие от матери воспринимается менее отчетливо и более смутно – как «сумеречная фигура» (*twilight figure*). При этом участие отца имеет существенное значение для формирования автономии и независимости ребенка по отношению к

² <https://tass.ru/obschestvo/22702277>

³ <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>

матери (Цит. по: Коряков, 2002). Данная идея также соотносится с представлениями Маргарет Малер (Малер и др., 2011) о процессе сепарации-индивидуации, в рамках которого значение отцовской фигуры связано с поддержкой отделения ребенка от первичной симбиотической связи с матерью и развития его автономии, независимости.

Зачастую отец присутствует в жизни младенца меньше времени, чем мать, – в основном в вечерние и утренние часы, в дневное же время – только по выходным дням. Фигура отца становится для младенца внешней, загадочно появляющейся и исчезающей куда-то, чем-то извне. В возрасте старше одного года ребенок становится более подвижным, отец играет с ним инструментальным типичным образом, что соответствует тому, как активно развивается ребенок. Подобное игровое взаимодействие способствует формированию у ребенка ощущения телесного Я, усиливает эротическое чувство, поощряет исследовательский характер процесса познания мира. В сравнении с рутинными действиями матери – речь идет о материнской заботе по отношению к ребенку – отец и взаимодействие с ним – это набор неких могущественных, очаровательных и таинственных действий (Коряков, 2002).

В середине XX века на базе исследований Джона Боулби развивается теория привязанности, согласно которой основополагающим принципом гармоничного развития ребенка и его эмоционального благополучия являются ранние отношения с матерью. Боулби пишет о том, что присутствие поддерживающей, поощряющей, сотрудничающей матери, а позднее и отца формирует у ребенка веру в помощь и поддержку со стороны других людей и закладывает фундамент для построения эффективных взаимоотношений в дальнейшем (Боулби, 2004). Отца он описывает как компаньона ребенка в совместной игре (Боулби, 2003). Позднее на основе этих заключений были проведены исследования, подтверждающие, что характер привязанности ребенка к матери и отцу в ранние годы значительно влияет на эмоциональное состояние и устойчивость в подростковом возрасте (Боулби, 2003).

В современном обществе наблюдаются разнонаправленные тенденции в осмыслении отцовства. В ряде культур с более выраженной патриархальной организацией семьи за отцом по-прежнему закрепляется статус главной фигуры власти и нормативного контроля. В то же время в странах Запада трансформация семьи в последние десятилетия связана с процессами индивидуализации, изменением гендерных ролей, ростом распространенности незарегистрированных союзов, более поздним вступлением в брак, увеличением числа рождений вне зарегистрированного брака, а также с частичным отделением сексуальности от репродукции и брака. Дополнительным фактором становится размывание границ между частной и публичной сферами под влиянием цифровой коммуникации и социальных сетей. Все это ведет не столько к «исчезновению» отца, сколько к пересмотру его функций и к усложнению моделей отцовского участия в жизни ребенка. Неудивительно, что фигура отца в новой реальности размывается, а иногда и упраздняется. Все чаще встречается новая модель семьи: мама и ребенок.

Российский контекст имеет свою специфику. Трансформация отцовской роли здесь связана не только с общими процессами модернизации семьи, но и с историческими потрясениями XX века. Революция, политические репрессии, последствия Великой Отечественной войны, а также длительный демографический дефицит мужского населения существенно повлияли на семейную структуру и на повседневное распределение родительских функций. В этих условиях возростала практическая и символическая нагрузка на материнскую фигуру, тогда как отцовское участие нередко оказывалось прерывистым, периферийным или социально ослабленным. Наблюдения за современным российским отцовством показывают, что образ отца до сих пор во многом несет на себе следы этого исторического исключения, хотя одновременно усиливается запрос на более включенное и эмоционально доступное отцовство. Когда ребенок не получает достаточно внимания от отца или матери на протяжении длительного времени и в достаточной мере, у него возникает психическая депривация (от англ. *deprivation* – лишение). Она означает такое психическое состояние субъекта, когда вследствие каких-то обстоятельств не удовлетворены его важные жизненные психические потребности (Лангмейер, Матейчек, 2023). Патернальная (отцовская) депривация возникает в неполных семьях, если отец не присутствовал в жизни ребенка с самого рождения или эмоциональная связь с ним прервалась в результате развода или расставания родителей, и это впоследствии влияет на его психическое развитие и социальное взаимодействие.

В психоаналитической и психологической литературе для описания явления патернальной депривации используется определение «отсутствующий отец» (Зойя, 2018; Винтер, 2021; Мердок, 2021; Зотова и др., 2021) – это отец, которого не было в жизни индивида в результате развода или расставания родителей; вследствие решения женщины родить и воспитывать ребенка самостоятельно; потери отца в результате смерти и т. п. (*Osmond*, 2010). Некоторые психоаналитики расширили это определение, включив в него эмоциональное отсутствие или эмоциональную недоступность отца, когда отец физически присутствовал, но был холодным, отстраненным, игнорировал желания и потребности индивида в раннем детском возрасте, представлял собой «отсутствующее присутствие» (*Blundell*, 2002; *Lamb et al.*, 2004; Шварц, 2021).

Проблематику отсутствующего отца поднимает Луиджи Зойя. Он говорит о том, что такой отец является образом современного отца и отсутствует не потому, что отправился на войну, а потому что не участвует в отношениях. Зойя размышляет о том, что наиболее пагубное воздействие на ребенка оказывает не то, что он не живет с ним в одном доме, а то, что он не вкладывается эмоционально: неспособность отца символически отпраздновать достижения ребенка он называет одним из самых печальных недостатков частной жизни нашего века (Зойя, 2018).

Он также говорит о том, что такой современный отец может быть отстранен от детей и по решению женщины, но он, как правило, не страдает от этого. Такой отец может продолжать быть добытчиком, который заботится о детях материально, но не дает достаточно эмоционального

тепла, либо он может активно стремиться воспользоваться своей свободой и строить новую жизнь. И даже те, кто привязан к детям в большей степени, ведут себя подобным образом. Но при этом такой отец испытывает бессознательное страдание (известное как *involuntary child absence syndrome* – «синдром вынужденного отсутствия ребенка», – но не изученное в настоящее время): оно проявляется как неосознаваемая тоска по детям. Либо отец может осознавать это страдание, но не пытаться решить ситуацию.

Значение фигуры отсутствующего отца на разных этапах взросления индивида

Последствия отсутствия отца в жизни ребенка можно оценить в контексте его роли в развитии ребенка на всех этапах его взросления. Как правило, исследования в психоаналитическом контексте сосредотачиваются на том уровне развития, на котором находится ребенок на момент непосредственной потери отца или утраты его присутствия в своей жизни – таким образом отслеживается, как потеря отца может повлиять на его когнитивные, интегративные, структурные и защитные способности (*Krueger, 2018; Trunnell, 1968*).

Младенчество и раннее детство. Считается, что отсутствие отца может оказывать неблагоприятное влияние уже в пренатальный период и иметь последствия, которые в дальнейшем проявятся в поведенческих аспектах развития ребенка (*Jones, 2007*). Далее, если же утрата отца происходит в течение первого года жизни ребенка, это прежде всего отражается на состоянии матери: возможно снижение ее эмоциональной включенности в уход за младенцем. В свою очередь, это может нарушить оптимальный баланс между удовлетворением потребностей ребенка и необходимой фрустрацией. Подобный сценарий развития привязанности в диаде «мать – дитя» способен привести к нарушениям в формировании дифференциации себя и объекта, повлиять на отношение ребенка к реальности и ее проверке, снизить переносимость фрустрации, затруднить становление базового доверия и уверенности, а также оказать влияние на процессы сепарации и индивидуации (*Jones, 2007*).

Говоря о периоде развития ребенка в возрасте до пяти лет и потере или отсутствии отца в этом возрасте в контексте эмоциональных и психических проявлений, психоаналитические исследователи отмечают, что здесь возможно появление повышенных страхов, которые связаны с потерей объекта и покинутостью, а также повышенное стремление к близости с матерью (*Jones, 2007*). Помимо этого, потеря отца на данном возрастном этапе может сопровождаться страхами, связанными с нормативным регрессивным процессом во время сна, и тревогами, вызванными разрядкой накопленного влечения (*Herzog, 1995*). Это объясняется тем, например, что в состоянии сна у ребенка ослабляется контроль над внутренними переживаниями, вследствие чего усиливаются архаические страхи и

тревоги. Отсутствие отцовской фигуры как поддерживающего и структурирующего объекта в такой ситуации усиливает ощущение незащищенности и внутренней нестабильности.

Отец является важной фигурой для успешного прохождения процесса сепарации-индивидуации. Доэдипальные отношения с отцом, как и с матерью, чрезвычайно важны для формирования его гендерной идентичности, особенно у сыновей. Ранние материнские и отцовские идентификации живут в каждом мужчине и влияют на его ощущение мужественности (*Diamond, 2004*).

Эдипальный период. Исследуя этот период, психоаналитики акцентируются на влиянии потери или отсутствия отца именно на мужчин. У мальчика может формироваться заторможенность в развитии некоторых репрезентаций, оценке реальности, преждевременной сексуализации фантазий. Отсутствие ролевой модели также приводит и к неумению справляться с такими нормальными возрастными чувствами, как соперничество, страх и унижение, – из-за отсутствия реальной мужской фигуры, с которой можно было бы проработать эти чувства в семейных рамках. Как следствие, такие чувства могут стать сильно деформированными (*Jones, 2007*).

Латентный период до подросткового возраста. По мнению Готье (*Gauthier, 1965*), ребенок может регрессировать к уровню эдипального периода психосексуального развития в ситуации потери отца в период латентности. Отсутствие отца в этот период может лишать ребенка уверенности через потерю чувств мастерства и самодостаточности, которые формируются в ходе идентификации с отцом и развития навыков и талантов через моделирование собственных действий через призму действий отца.

Подростковый период для индивида – это время перехода в новое измерение. Это не только телесные изменения и перемена социального статуса от «маленького» к «большому». Винтер называет этот период моментом встречи тела, социального порядка и индивидуальных особенностей человека. Если в период раннего детства желания выражаются беспрепятственно, а в период «старшего детства» прежние сексуальные порывы вытесняются, то во время полового созревания вытесненные желания возвращаются.

В подростковом возрасте на поверхность поднимается все то, что было подавлено, подвергалось цензуре или было плохо вытеснено из-за запретов и правил, которые накладывали родители (или их заместители) и общество в целом. Молодой субъект сталкивается с новой реальностью, но отказывается признать существование проблемы и любые попытки включения родителей в этот процесс воспринимает как вторжение в его жизнь. Винтер соглашается с тем, что сексуальной жизни подростка не место в родительских стенах, ее следует обсуждать с «другими» – и здесь большое влияние имеют общество и культура.

При определении сексуальной идентичности на индивида влияют три вида факторов: социологические, психологические и биологические. Лакан говорил о Реальном, Символическом и Воображаемом

(Лакан, 2002) и отмечал существование некоего «базиса», который трудно определить и обозначить, но который важно учитывать. В период полового созревания актуализируются вопросы межпоколенческой связи, семейной принадлежности, а также отношений с родителями и прародителями. Это обусловлено тем, что в семейной системе транслируются установки, представления, запреты и ожидания, касающиеся сексуальности, которые были усвоены старшими поколениями в процессе их собственного взросления. Иными словами, подросток сталкивается не только с собственными телесными и психическими изменениями, но и с включенностью в межпоколенческий дискурс о существующей семейной системе представлений, запретов, тревог и ожиданий, касающихся пола и сексуальности. Именно в точке пересечения индивидуального опыта и межпоколенческих посланий во многом и формируется отношение человека к собственной сексуальной идентичности.

Однако часто молодой человек не хочет опираться на примеры близких и предпочитает найти свой путь, учитывая свои интимные особенности, о которых родные часто находятся в неведении. И любые попытки взрослых «научить его» воспринимает как вторжение.

По мнению Андре Грина (*Green, 2004*), при отсутствующем отце у индивида возникает комбинация негативного и позитивного пространства для образа отца. Негативное пространство отца представляет собой пустоту и воссоздается в пробелах в жизни, особенно в сферах профессиональной реализации, полоролевой идентификации, женско-мужских и детско-родительских отношениях. Позитивное пространство заполняется в основном историями и воспоминаниями, пересказанными другими людьми, в частности матерью, которая зачастую становится ключевой фигурой в формировании дискурса об отце. В дополнение к рассказам матери это пространство напитывается миметическим и тактильным опытом, которые служат указателями для вовлечения во внешний мир. Помимо этого, в позитивное пространство индивида помещаются различные символические отцы, системы и люди, на которых проецируются и вытесняются отцовские чувства (*Tisano, 2015*).

Эффект «матрешки» как отражение трансгенерационной травмы отсутствия отца

Термин «инцестуозность» связан с работами Ракамье, сформировавшимся на материале клиники психозов и семейных взаимодействий. Ракамье рассматривал инцестуальное как особый психический и семейный климат, несущий отпечаток инцеста, но не сводимый ни к реальному сексуальному акту, ни к классическому эдипову фантазму. Он считал, что больные шизофренией не только сфокусированы на себе, но и связаны особыми симбиотическими отношениями в семье с главным объектом, часто с матерью (Минасян, 2018). Речь идет о такой организации внутрисемейных отношений, при которой нарушаются различия между поколениями, размываются ролевые границы, а семейное пространство оказывается пронизанным слиянием, отрицанием, секретами и парадоксальными

связями. Его атмосфера препятствует росту и развитию психического пространства ребенка: речь идет не о фактически совершенном инцесте, а о его скрытой, словно «растворенной в воздухе» форме.

В такой семье ребенку трудно усвоить и осмыслить нормы и запреты, регулирующие отношения между людьми, в том числе между мужчиной и женщиной, родителями и детьми. Инцестуозность связана с двумя основными смысловыми осями – Ант-Эдипом и «не-фантазмом», – что означает отсутствие желаний и фантазий об отце, который является «третьим» и разделяет симбиоз матери и ребенка. Ребенок становится как бы «объектом для себя», неделимым нарциссическим продолжением родителей в этом инцестуозном конфликте при активном участии матери в совместном нарциссическом соблазнении, когда ребенок втягивается в отношения слияния и используется для поддержания целостности родительского Я.

Если для эдиповой конфигурации характерно наличие трех фигур – матери, отца и ребенка, – то в Ант-Эдипе формируется монада, в которой мать заключает в себе не только пенис отца, но и все «наследство» предшествующих поколений. В Ант-Эдипе из поколения в поколение передается некая семейная история, которая связана с фигурой из прошлых поколений и, скорее всего, с трагедией: потерей, разрывом, травмой. Эта потеря является важной частью материнской линии и влияет на судьбу следующих поколений. После пережитой трагедии у женщины может формироваться желание родить ребенка «для себя», превратив его в собственное нарциссическое, то есть неразделимое и неотчуждаемое, продолжение. При этом имя отца и его линия символически отрицаются: возникает фантазия происхождения от изначальной единой архаической матери, от идеализированного предка или отца самой матери, тогда как реальные партнеры оказываются не полностью инвестированы. В таких семьях реальные отношения матери с отцом ребенка могут обесцениваться или вообще отрицаться. Зачастую в таких семьях у детей нет фамилии и даже отчества по своему отцу.

В монаде все близкие как будто соединены общей пуповиной. В монаде «мать – дитя» один оказывается включенным в другого и переживается как его часть, словно беременность символически продолжается, а мать и ребенок по-прежнему находятся в состоянии пренатального единства. Отец оказывается исключенным из данной системы отношений, постепенно удаляясь не только из реальной жизни ребенка, но и из его внутреннего психического пространства. Таким образом мужской образ оказывается будто интегрированным в материнскую фигуру, которая становится для ребенка одновременно и матерью, и отцом. Завершением этого процесса выступает фигура «фаллической матери», которая переживается как нарциссически полная (Racamier, 2010).

Феномен симбиотической семейной включенности описывался рядом французских психоаналитиков; в психоаналитической литературе он нередко передается через метафору «матрешки», которая в русскоязычных пересказах чаще всего связывается с работами Ракамье об инцестуозности, нарушении триангуляции и смешении поколенческих границ.

В сценарии «матрешки» отсутствует триангуляция, вся семья горизонтально связана единой пуповиной и объединена в единую монаду-«матрешку» с помощью архаичных фигур матери и отца. Дети, воспитываемые в таких условиях, ощущают, что не могут отделиться от этого объединения, а потому не могут проявить свою способность символизировать свои эдиповы желания и решить их через фантазмы. Детское психическое развитие, возможный рост блокируются.

В этом случае «матрешка» представляет собой паттерн или «сценарий», в рамках которого травматический опыт передается из поколения в поколение не на генетическом уровне, а через семейную историю, особенности уклада, систему материальных ценностей, традиции и мифы. Именно так внутри семьи осуществляется трансляция жизненного опыта между поколениями. Этот феномен определяется как межпоколенческая, или трансгенерационная, передача травмы. Она происходит бессознательно, а ее содержание нередко остается скрытым вследствие травматического характера передаваемого опыта, который побуждает к его замалчиванию, сокрытию и неосознанному воспроизведению (Тарабрина и др., 2016).

Если смотреть подробнее на то, как развивается и формируется личность человека, то можно проследить, что ее становление начинается в родительской семье, которая является частью рода, далее – определенной нации и государства и, наконец, частью человеческой цивилизации.

Рене Каес (*Kaes, 2009*) обращает внимание на ключевую роль индивидуальной и коллективной памяти в передаче истории поколений. Именно через память в семье сохраняются не только осмысленные рассказы о прошлом, но и неотрагированные аффекты, семейные мифы, умолчания, способы переживания утраты и близости. В этом смысле тип привязанности также может передаваться межпоколенчески: мать, опираясь на собственный опыт ранних отношений, бессознательно транслирует ребенку модель эмоциональной связи, которая становится частью его трансгенерационного опыта.

Исследования в области трансгенерационной передачи привязанности свидетельствуют о том, что репрезентации привязанности, сформированные у родителей, могут выступать основой для возникновения у ребенка аналогичных паттернов привязанности уже начиная с пренатального периода (Тарабрина, 2013). Так, если в жизненном опыте матери присутствовали значимые фигуры из предшествующих поколений, то ребенок, независимо от того, будет ли он непосредственно взаимодействовать с ними, через материнское посредничество усваивает некоторые определенные вербальные и невербальные модели (или трансгенерационные объекты) семейных отношений, о которых в своих работах пишет Эйгер (*Eiguer, 2005*).

Отец будущего: последствия ликвидации отца в социальном контексте

Современное общество имеет все большую тенденцию к исключению отцов из системы семьи. В связи с увеличением числа разводов и неполных семей в мире критически важный вопрос, связанный с этим негативным трендом, звучит так: может ли психологическое присутствие отца в жизни ребенка сохраниться без его (отца) физического присутствия?

Дети разведенных родителей часто имеют «голод по отцу»: у них наблюдается дефицит положительных эмоционально окрашенных моментов в их отношениях с отцами (*Finley et al.*, 2001). Они говорят о том, что им не хватало участия отца в таких областях, как общение, совместная деятельность, досуг, развлечение, обеспечение дохода, эмоциональное участие и забота. Это данные опросных исследований, в которых дети и молодые взрослые ретроспективно оценивали свои отношения с отцом после развода родителей (*Finley et al.*, 2001). Наиболее значимым эмоциональным «активом», которым им хотелось бы владеть после развода родителей, стало присутствие отца, товарищеские отношения и связь с ним.

Однако сегодня разведенный отец нового времени становится всего лишь «гостем без портфеля» в эмоциональной жизни своего ребенка или бездетным отцом с ребенком без отца (*Finley et al.*, 2001; *Reuven-Krispin et al.*, 2020; *Culpin et al.*, 2021). О реальных последствиях этого феномена будет известно спустя время, но уже сегодня современные психоаналитики рассуждают на эту тему. Так, например, Винтер отмечает, что негативные последствия исключения фигуры отца особенно явно прослеживаются в подростковом возрасте, когда проявляется то, что «не метаболизировано» в раннем детстве (Винтер, 2021).

Помимо подросткового возраста еще одним критическим моментом в жизни человека является период собственного родительства. Винтер говорит о том, что в современном обществе с разрушенным патриархальным укладом стать родителем само собой не получается. У молодых матерей часто возникают такие психологические проблемы, как отрицание беременности, послеродовая депрессия, неловкость в уходе за ребенком и материнстве в целом. Что касается мужчин, то у них достаточно часто в период отцовства возникают амбивалентные чувства к своему новому статусу, жене и ребенку, появляется желание поиска сексуальных связей на стороне – и это достаточно частая причина кризиса в семье и ее распада в этот период (Винтер, 2021).

Половое созревание и собственное родительство – это периоды психической уязвимости, когда актуализируются травмы и поднимаются на поверхность собственные проблемы во взаимоотношениях в родительской семье. Отношения с отцом и матерью не эквивалентны. Очень много вопросов появляется тогда, когда субъект вырос без отца или когда утверждали, что в отце нет необходимости (*East et al.*, 2018).

Современные исследования показывают, что дети, воспитанные обоими биологическими родителями, во взрослом возрасте в целом более успешны в экономическом и социальном плане, чем те, которые воспитывались

одним родителем (*McLanahan et al.*, 1999; *Adamsons et al.*, 2013). Однако прямое влияние феномена отсутствующего отца на обучаемость и благополучие ребенка во взрослом возрасте следует интерпретировать с осторожностью. Результаты исследований, показывающие, что дети разведенных родителей и выросшие без отца имеют больше трудностей в обучении, трудоустройстве и карьере, чем дети из полных семей, могут быть следствием экономических сложностей матерей, которые их растят (*Osmond*, 2010). Таким образом, проблематика отсутствующего отца заключается не столько в том, что у ребенка нет полоролевой модели для идентификации, а в том, что многие отцовские роли (экономические, социальные, эмоциональные) не удовлетворяются в таких семьях в полной мере (*Lamb*, 2010; *Briggs*, 2019).

Как отмечает Луиджи Зойя, иметь отца сегодня – роскошь. Отсутствующий отец – это образ современного отца. У него больше нет того престижа и той власти, которые прежде делали его идеальным и незаменимым. Роль отца как учителя практически исчезла, и свободное время ребенка его тоже больше не интересует. Сегодня он теряет авторитет на фоне гаджетов, новых технологий, музыки и прочих интересов подростка. Отец будто становится чужим и ненужным в современном мире.

Гендерные ролевые системы стремительно менялись последние 50 лет, что спровоцировало своеобразный вакуум роли отца в новых условиях. Произошли глубокие изменения и появились новые формы отцовской активности, что является свидетельством уточнения и переоценки функции отцов со стороны общественности и последующей дифференциации гендерных ролей. Традиционные представления о роли мужчины в семье становятся все менее актуальными, так как существенно изменяется степень их вовлеченности в процесс воспитания и ответственности за психоэмоциональное развитие детей. Так постепенно формируются новые социальные стереотипы.

Начиная с середины XX века у современных женщин появляется новый статус в обществе. Эмансипация непосредственно влияет на трансформацию образа отца в семьях. Она позволила женщинам больше уделять времени своей работе и реализации и меньше – уходу за детьми. При этом женщины нашего времени зачастую берут на себя и функцию по воспитанию детей, и материальную составляющую. Эти изменения приводят к тому, что у мужчин появляются новые задачи дома: самостоятельное ведение домашнего хозяйства и большая ответственность за детей. Однако отцы, которые в большей степени заняты уходом за детьми и домашней работой, до сих пор во многом не воспринимаются и отвергаются обществом, тогда как женщины, сделавшие ставку на карьеру, чаще получают социальное одобрение, что неизбежно ведет к изменению образа мужчины в целом.

Ряд исследователей ставит под сомнение положение мужчины как кормильца и защитника семьи, несмотря на то что изменившаяся роль отца оказывает существенное влияние на благополучие семьи, ее психологический климат и процесс воспитания детей. Однако есть и противоположное мнение, согласно которому говорить об ослабевании института отцовства

преждевременно. Напротив, предполагается его укрепление за счет расширения функций, ранее в большей степени монополизированных матерями. Это, в свою очередь, может способствовать формированию новых форм маскулинности в обозримом будущем (Латышева, 2012). Эволюция роли отца предполагает, что мужчина может быть не только кормильцем и защитником. «Новые отцы» могут сочетать в себе функции компаньона, партнера, опекуна, ролевой модели и человека, задающего нравственные ориентиры (Osmond, 2010).

Тем не менее отсутствие отца остается заметным всегда, и в этом смысле наша эпоха не является исключением.

Влияние фигуры отсутствующего отца на разные аспекты жизни индивида во взрослом возрасте

Родительские фигуры продолжают влиять на жизнь и деятельность индивида и во взрослом возрасте. Если образ отца недостаточно четок или не сформирован, это может привести к различным психическим нарушениям (Калина и др., 2021), а также оказать существенное влияние на восприятие мира индивидом. В результате он может иметь психологические проблемы в сферах, связанных с фигурой отца (Зотова и др., 2021). Так, взаимоотношения с отцом влияют на:

- самоидентификацию и самооценку («Кто я?», «Какой я?») – отношение к себе и принятие себя;
- веру в себя и свои силы;
- чувство безопасности и защищенности;
- женско-мужские и детско-родительские отношения;
- реализацию в социуме: способность проявлять себя, действовать, творить, рисковать, проходить жизненные кризисы;
- взаимоотношения с социумом: с иерархией, структурой, властью;
- личную ответственность и способность занять свое место в социуме.

Влияние фигуры отсутствующего отца на профессиональную жизнь и становление лидеров можно проследить в работах голландского психоаналитика Манфреда Кетс де Вриса. Он говорит о том, что ранние взаимоотношения обладают длительной силой и реакции переноса происходят на глубинном, подсознательном уровне (Кетс де Врис, 2011).

Кетс де Врис пишет о том, что человек неосознанно хочет справиться с детскими ранами. И одним из действенных способов сделать это он называет «исправление» (компенсацию). За этим стоит идея о том, что человек рос в плохих условиях и теперь хочет создать лучшую жизнь для своих детей. Те же принципы могут быть применимы и на рабочем месте, когда человек, движимый внутренней болью, стремится улучшить жизнь внутри компании и тем самым смягчить свою боль.

Среди руководителей, добившихся успеха, многие придерживаются принципа исправления и часто имеют следующие общие признаки в анамнезе:

- их детство зачастую проходило без отца (он не жил с ними либо умер), но при этом рядом была поддерживающая мать;

- они были вынуждены рано взять на себя обязанности главы семьи: на них была возложена не соответствующая возрасту ответственность;
- во всей их жизни прослеживается модель соперничества;
- они нашли поддерживающих и верящих в них людей, и поэтому им легче справляться с неудачами: они демонстрируют смелость и гибкость.

Работа с клиентами с проблематикой отсутствующего отца в психоаналитическом методе

Одним из способов помощи в разрешении внутриспсихических конфликтов индивида, возникающих в результате проблематики отсутствующего отца, может являться метод психоаналитически ориентированного консультирования.

В своей работе психоаналитически ориентированный специалист сопровождает клиентов в процессе исследования их внутренних конфликтов, помогает выявить связи между профессиональными и личными сценариями, сформировать коучинговое Я, повысить адаптивность и интегрироваться в сообщество в условиях стремительно меняющегося мира.

На основании анализа кейсов из коучинговой практики авторов с клиентами с проблематикой отсутствующего отца **прослеживаются следующие закономерности:**

- Отсутствие интроецированного отца влечет за собой сложности в самоидентификации и самооценке, а также приводит к трудностям в личных взаимоотношениях с противоположенным полом. Клиенты с данной проблематикой часто сталкиваются с неспособностью выстраивать конструктивные отношения с руководителями. Они идеализируют их, так как стремятся найти в них опорную фигуру, что в дальнейшем может вызывать фрустрацию, так как ожидания не соответствуют действительности (срабатывает защитный механизм обесценивания). В личных взаимоотношениях имеют склонность воспроизводить чувство утраты и отверженности одним из двух способов: выбирают эмоционально отстраненных партнеров либо теплых и поддерживающих, но с ними не могут выстроить доверительные и по-настоящему близкие отношения.

- Индивиды с проблематикой отсутствующего отца стараются избегать конфликтов в профессиональной и личной жизни или, наоборот, агрессивно отстаивают свою точку зрения, желая быть услышанными.

- Остро стоит вопрос поиска своего места в жизни. Клиенты испытывают чувство недостаточности и собственной неполноценности, при этом стараются привлечь внимание за счет ярких атрибутов, элементов престижа, эпатажного внешнего вида и стремления доминировать, тем самым пытаясь компенсировать «внутреннюю пустоту». Таким образом они демонстрируют проявление ложной самости как бессознательный способ защитить свою уязвимость.

- Взаимоотношения с матерью являются центральной темой в проблематике отсутствующего отца, поскольку при нехватке «разделяющего третьего» зачастую возникает симбиотическая связь (диада «мать – ребенок»), выражающаяся через материнскую гиперопеку и контроль. Во

всех представленных случаях прослеживается закономерность: индивид сталкивается со сложностями в коммуникациях и выстраивании границ в личной и бизнес-среде, а также демонстрирует зависимость от одобрения окружающих.

• Во взрослом возрасте происходит инверсия ролей: ребенок занимает родительскую или супружескую позицию. Это влечет за собой сложности в коммуникации с матерью, чувство эмоциональной зависимости от нее; одновременно с этим возникают чувства вины и злости на мать.

Основные рекомендации в работе с клиентами с проблематикой отсутствующего отца сводятся к следующему:

1. Формирование безопасного коучингового альянса, создание атмосферы, в которой клиенты могли бы почувствовать себя безопасно и уверенно, где их готовы принимать со всеми сложностями и вызовами.

2. Обсуждение процесса взаимодействия коуча и клиента с упором на то, что эта работа проходит безоценочно, с исследовательским интересом и любопытством, с желанием разобраться и улучшить качество жизни клиента, и требует времени.

3. Принятие глубинных процессов клиента коучем, его искренний интерес и доброжелательное отношение, а также вера в желание клиента проходить этот процесс (материнская функция); установление границ и правил, соблюдение кадра, структурирование материала (отцовская функция).

4. Постепенное погружение в бессознательные процессы через бизнес-запросы и актуальные вопросы в личной жизни клиента; плавный переход к более сложным темам.

5. Поиск и реконструкция ресурсного опыта, связанного с фигурой отца, восстановление его целостного образа и семейной иерархии в представлении клиента, с целью присвоения им нового опыта и формирования новых жизненных стратегий.

Фигура отсутствующего отца оказывает влияние на многие аспекты жизни индивида, включая его профессиональную реализацию и построение межличностных отношений. Работу с образом отсутствующего отца необходимо интегрировать в общий жизненный контекст клиента. Важно учитывать влияние различных факторов, таких как взаимоотношения с другими значимыми фигурами, прежде всего с матерью, ее роль в жизни индивида, а также межпоколенческая передача травмы.

В условиях отсутствия комплексной психоаналитической теории об отцовстве, постоянного пересмотра роли отца в современном социуме, а также постоянного увеличения числа неполных семей и разводов исследователи темы считают целесообразным и актуальным дальнейшее изучение феномена отсутствующего отца. Для клиентов, в анамнезе которых присутствует проблематика отсутствующего отца, коучинговая работа и психологическое консультирование могут стать эффективными способами для решения жизненных затруднений, отказа от негативных сценариев и формирования новых поведенческих стратегий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Боулби Д.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
2. *Боулби Д.* Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический проект, 2004. 232 с.
3. *Винтер Ж.* Будущее отца: как изменится его место в семье и обществе? / Пер. с фр. М.: Когито-Центр, 2021. 179 с.
4. *Зойя Л.* Отец. Исторический, психологический и культурный анализ. М.: Независимая фирма «Класс», 2018. 352 с.
5. *Зотова Ю., Летучева М.* Все дело в папе. Работа с фигурой отца в психологическом консультировании. М.: Независимая фирма «Класс», 2021. 344 с.
6. *Калина О. Г., Холмогорова А. Б.* Роль отца в психическом развитии ребенка. М.: Форум, 2021. 112 с.
7. *Кетс де Врис М.* Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 276 с.
8. *Кетс де Врис М.* Секс, деньги, счастье и смерть в поисках себя. М.: Альпина Паблишерз, 2011. 312 с.
9. *Коряков Я. И.* Эволюция родительских образов в психоанализе [Электронный ресурс] // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2002. Вып. 3. С.101–123. URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3974/3/pv-11-03.pdf> (дата обращения 25.02.2023)
10. *Лакан Ж.* Образования бессознательного. Семинары. Кн. 5 (1957–1958) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис, Логос, 2002. 608 с.
11. *Лангмейер Й., Матейчек З.* Психическая депривация в детском возрасте / Пер. с англ. СПб.: Альфа-матер, 2022. 350 с. [Электронный ресурс] // URL: https://teplyidomnsk.ru/f/langmejer_j_matejchek_z_psihicheskaya_deprivaciya_v_detskom_vozraste.pdf
12. *Латышева Ю. А.* Специфика отцовской роли: традиционный и новый взгляд на проблему [Электронный ресурс] // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2012. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ottsovskoy-rolitraditsionnyu-i-novyy-vzglyad-na-problemu> (дата обращения: 05.04.2023)
13. *Малер М. С., Пайн Ф., Бергман А.* Психологическое рождение человеческого младенца: Симбиоз и индивидуация / Пер. с англ. М.: Когито-Центр, 2011. 413 с.
14. *Мердок М.* Дочери своих отцов: как разорвать связующие узы. Исследование теневой стороны отцовской любви в мифах, сказках и юнгианской психологии. М.: Касталия, 2021. 296 с.
15. *Минасян И. Р.* Концепция инцестуозности. П.-К. Ракамье и ее применение в современном психоанализе. [Электронный ресурс] // Московская группа психоаналитиков: сайт. 04.04.2018. URL: <https://mgpsy.ru/kontseptsiya-intsestuoznosti> (дата обращения: 05.03.2023).
16. *Тарабрина Н. В., Коробенко Н. В.* Межпоколенческая передача травмы – психоаналитический взгляд. // [Электронный ресурс] Февраль 2016 г. URL: <https://www.b17.ru/blog/30275/> (дата обращения: 16.03.2023)

17. *Тарабрина Н. В., Майн Н. В.* Феномен межпоколенческой передачи психической травмы [Электронный ресурс] // Консультативная психология и психотерапия. 2013. Т. 21. №3. С. 96–119. URL: https://psyjournals.ru/journals/cpp/archive/2013_n3/65214 (дата обращения: 16.03.2023)
18. *Фрейд З.* Тотем и табу / Пер. Р. Ф. Додельцева. СПб.: Азбука СПб.: Азбука-классика. Non-Fiction, 2017. 161 с.
19. *Шварц С. Е.* Отсутствующий отец и его влияние на дочь. СПб., М.: Центр гуманитарных инициатив, Добросвет, 2021. 364 с
20. *Adamsons K., Johnson S. K.* (2013) An updated and expanded meta-analysis of nonresident fathering and child well-being. *Journal of Family Psychology*, URL: <https://doi.org/10.1037/a0033786> (дата обращения 05.03.2023)
21. *Blundell S.* (2002) Fatherless sons: Psychoanalytic psychotherapy with bereaved boys. In J. Trowell & A. Etchegoyen (Eds.). *The Importance of Fathers: A Psychoanalytic Re-Evaluation*. Hove, East Sussex: Brunner-Routledge. 272 p.
22. *Briggs A.* (2019) The Impact of Father Absence on Child Mental Health: Three Possible Outcomes. *The Palgrave Handbook of Male Psychology and Mental Health*. URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-04384-1_4 (дата обращения 01.03.2023)
23. *Culpin I., Heuvelman H., Dheeraj R.* (2021) Father absence and trajectories of offspring mental health across adolescence and young adulthood: findings from a UK-birth cohort. Centre for Academic Mental Health. URL: <https://www.medrxiv.org/content/10.1101/2021.08.25.21262549v1.full-text> (дата обращения 15.03.2023)
24. *Diamond M. J.* (2004) The shaping of masculinity: Revisioning boys turning away from their mothers to construct male gender identity. *International Journal of Psychoanalysis*. URL: <https://pep-web.org/search/document/IJP.085.0359A> (дата обращения 07.03.2023)
25. *East L., Hutchinson M., Power T., Jackson D.* (2018) Being a father: constructions of fatherhood by men with absent fathers. *Journal of Family Studies*, April. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13229400.2018.1459308> (дата обращения 03.03.2023)
26. *Eigeur A. et al.* (2005) *Le generationnel*. Paris: Dunod.
27. *Finley G. E.* (2001) Father hunger, divorce, family court, and the reconstruction of the essential father. *The International Journal of Psychoanalysis*. URL: https://www.researchgate.net/publication/280101505_Finley_G_E_Schwartz_S_J_2001_Father_hunger_divorce_family_court_and_the_reconstruction_of_the_essential_father (дата обращения: 02.03.2023)
28. *Fonagy P., Target M.* (2002) Fathers in modern psychoanalysis and in society: the role of the father and child development. In Trowell J. and Etchegoyen A. (eds). *The importance of fathers*. London, England: Brunner-Routledge. P. 45–67.
29. *Green A.* (2004) Thirdness and psychoanalytic concepts. *The Psychoanalytic Quarterly*, 73(1). P. 99–135. DOI: 10.1002/j.2167-4086.2004.tb00154.x (дата обращения: 12.05.2023)
30. *Herzog J. M.* (1995) Men in the psychoanalytic situation: Encountering father hunger. *Psychoanalysis & Psychotherapy*, 12(1). P. 46–59.

31. *Jones K. A.* (2007) Assessing the Impact of Father-Absence from a Psychoanalytic Perspective. *The International Journal of Psychoanalysis*. March. URL: https://www.researchgate.net/publication/232837703_Assessing_the_Impact_of_Father-Absence_from_a_Psychoanalytic_Perspective (дата обращения: 05.04.2023)
32. *Kaes R.* (2009) *Les alliances inconscientes*. Paris: Dunod. 264 p.
33. *Krueger D. W.* (2018) Childhood parent loss: Developmental impact and adult psychopathology. *American Journal of Psychotherapy*. Vol 37. No 4. April. P. 582–592. URL: <https://psychotherapy.psychiatryonline.org/doi/10.1176/appi.psychotherapy.1983.37.4.582> (дата обращения 05.03.2023)
34. *Lamb M. E.* (2010) *The role of the father in child development*. University of Cambridge. 656 p.
35. *Lamb M. E., Tamis-LeMonda C. S.* (2004) *The Role of the Father: An Introduction*. University of Cambridge, January. URL: https://www.researchgate.net/publication/232604349_The_Role_of_the_Father_An_Introduction (дата обращения 03.03.2023)
36. *McLanahan S. & Teitler J.* (1999) The consequences of father absence. In S. McLanahan (Ed.), *Parenting and child development in nontraditional families*. New Jersey: Princeton University. P. 83–102.
37. *Osmond E. G. C.* (2010) *The Fatherless Identity: An Exploratory Case Study of Men's Fatherless Experiences*. The Fatherless Identity: An Exploratory Case Study of Men's Fatherless Experiences. A Thesis Submitted to the College of Graduate Studies and Research in Partial Fulfillment of the Requirements for a Degree in Master of Education in the Department of Educational Psychology and Special Education University of Saskatchewan Saskatoon. University of Saskatchewan, Saskatoon. July. URL: https://harvest.usask.ca/bitstream/handle/10388/etd-08242010-190013/DefendedThesis_ETD_Format.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения 03.03.2023)
38. *Racamier P.-C.* (2010) *L'inceste et l'incestuel*. Les Edition du College. Paris: Dunod. 174 p.
39. *Reuven-Krispin H., Lassri D., Luyten P., Shahar G.* (2020) Consequences of Divorce-Based Father Absence During Childhood for Young Adult Well-Being and Romantic Relationships. *Family Functioning and children's well-being*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/fare.12516> (дата обращения: 08.04.2023)
40. *Tisano F. P.* (2015) *In the space of the father: father images, emptiness, and father mirroring in father absent men*. Masters Thesis, Smith College. Northampton, MA. P. 93. URL: <https://scholarworks.smith.edu/theses/722> (дата обращения 01.03.2023)
41. *Trunnell T. L.* (1968) The absent father's children's emotional disturbances. *Archives of General Psychiatry*. August, 19(2). P. 180–188. URL: <https://doi.org/10.1001/archpsyc.1968.01740080052009> (дата обращения 05.03.2023)

The absent father figure in psychoanalytically oriented counseling

*A. V. Dodonova, M. E. Ostrovskaya,
A. V. Pleskevich, E. A. Pryadkina, S. M. Fedorova*

Dodonova Alina V., clinical psychologist, psychoanalytical coach, master's degree in psychology, economist. More than 12 years of managerial experience in finance in leading international corporations across various industries, including Telecom, Development, FMCG, and Oil & Gas.

Ostrovskaya Maria E., psychoanalytical coach, organizational consultant, master's degree in psychology, manager-technologist. More than 6 years of management experience in FMCG-companies.

Pleskevich Anna V., psychoanalytical psychologist, coach ACC ICF, master's degree in psychology. More than 20 years of management experience in leading international companies in B2B development.

Pryadkina Elena A., psychoanalytical coach, organizational consultant, master's degree in psychology and journalism, economist. More than 15 years of managerial experience in Banking and IT.

Fedorova Svetlana M., psychoanalytical therapist, executive coach, senior lecturer at the HSE Department of Psychoanalysis and Business, SPP candidate, IPA candidate.

The purpose of this master's dissertation is to study the phenomenon of the absent father in the context of different psychoanalytic schools, as well as to empirically study the influence of the absent father figure on the individual in professional and social spheres. The analysis of the practical coaching cases described in the second chapter helped to solve the empirical tasks and to confirm the hypotheses that the absent father figure has a significant impact on the formation and development of the individual's personality; the role of the mother has a particular place in the formation of the father image, being the "architect" of his image; the father image has a significant impact on the construction of personal borders and the ability of the subject to integrate into society and take his/her place in it.

The study shows that the absent father figure influences such aspects of the individual's life as: self-confidence, sense of inner ground, object relations, professional fulfillment, emotional resilience, and the ability to pass through life crises. Psychoanalytical coaching and psychological counseling can be an effective way to solve the psychological problems of subjects who experience difficulties in life due to a lack of the father figure.

Keywords: mother-child dyad, deprivation, identification, incestuousness, father image, absent father figure, psychoanalysis, psychoanalytic coaching, representation, transgenerational trauma, triangulation, "matryoshka" phenomenon, Oedipus complex.